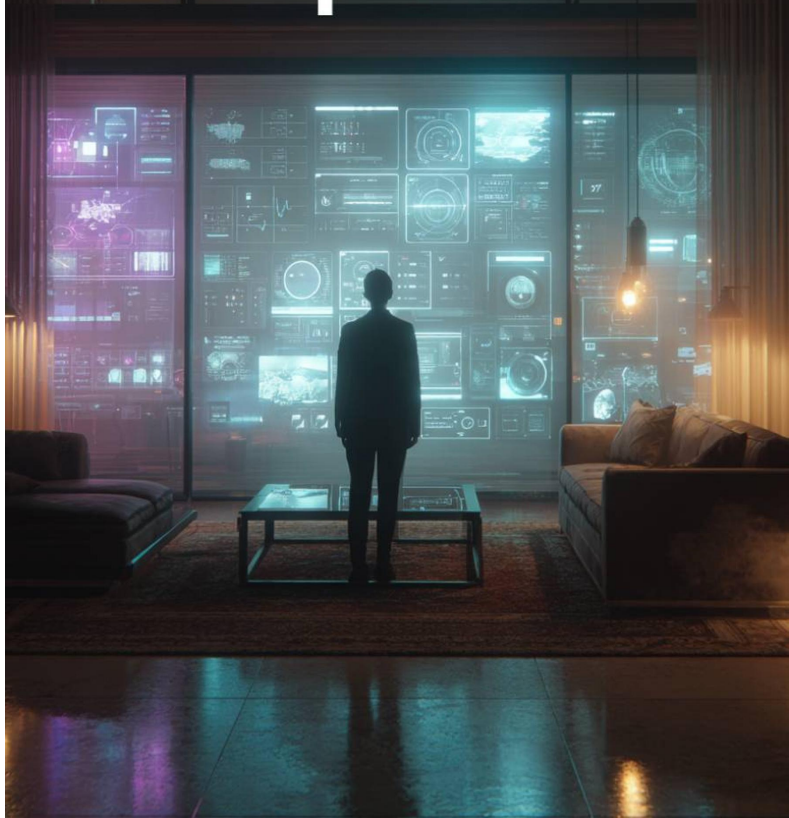

Светлана Носенкова

Марсианский архив

Светлана Носенкова

Марсианский архив

<https://litres.ru/73997684>

SelfPub; 2026

Аннотация

2053 год.

Место действия:

Российская научная станция «Ареал» в районе северной полярной шапки Марса.

На станции работают инженеры, космонавты, геологи, климатологи и другие учёные. После нескольких лет исследований они обнаружили огромный древний ледник, скрытый под слоями пыли. Учёные предполагают, что внутри него сохранились данные о миллиардах лет истории Марса.

Начинается бурение.

Светлана Носенкова

Марсианский архив

Светлана Носенкова

Марсианский архив

2053 год.

Место действия:

Российская научная станция «Ареал»

в районе северной полярной шапки Марса.

Пролог

Марс молчал.

Он молчал уже миллиарды лет, с тех времён, когда по его равнинам текли реки, а над скалистыми берегами древних морей собирались облака.

Теперь над безжизненной равниной тянулся лишь красноватый сумрак. Солнце висело низко над горизонтом, тусклое и далёкое. Его света едва хватало, чтобы обозначить границу между небом и ледяной пустыней.

На многие километры вокруг не было ни движения, ни звука. Только ветер. Он медленно перекачивал по поверхности сухую пыль, оставляя на ней узоры, которые исчезали уже через несколько часов. Но глубоко под этой пылью скрывалось нечто большее, чем просто лёд. Там были не древние руины, там была подлинная история Красной планеты.

Каждый слой марсианского ледника был страницей огромной книги, которую природа писала миллиарды лет. Пылевые бури, извержения вулканов, изменения атмосферы, периоды потепления и похолодания – всё оставило свой след в замёрзших толщах древнего льда.

Марс ничего не забыл. Он лишь ждал тех, кто сумеет прочитать его архив. Инженер Юрий Лисов стоял у обзорного иллюминатора станции и смотрел на белёсую полярную равнину. За прозрачным куполом начиналась бесконечность.

Лёд.

Пыль.

Камень.

Небо необычного желтовато-коричневого оттенка.

Где-то там, за горизонтом, уже почти две минуты назад взошло Солнце. Свет двигался медленно, словно сама планета не спешила просыпаться.

В жилом модуле было тихо. Ночная смена только закончила работу, а большая часть экипажа отдыхала перед очередным выходом. Лишь негромкий голос нарушал тишину. Он звучал из старой записи, которую Юрий случайно нашёл в архиве станции.

— Когда мы бурим лёд на Земле, мы извлекаем прошлое нашей планеты, — говорил неизвестный учёный. — Когда-нибудь люди смогут сделать то же самое на Марсе. Каждый метр такой скважины станет путешествием назад во времени.

Запись была сделана почти полвека назад. Тогда на Марсе ещё не было постоянных баз. Не существовало орбитальных верфей. Не летали между планетами ядерные буксиры. Многие считали подобные проекты красивой мечтой. А теперь за прозрачной стеной станции возвышалась буровая башня комплекса «Архив-12» – самая глубокая скважина, когда-либо пробурённая за пределами Земли.

Юрий невольно улыбнулся. Люди вообще плохо умеют оценивать собственное будущее. Те, кто запускал первые спутники, не могли представить марсианские станции. Те, кто строил орбитальные комплексы у Земли, не дожили до экспедиций к дальним планетам. Каждое поколение делало шаг вперёд, не зная, куда приведёт дорога. Именно поэтому человечество продолжало двигаться. Не ради рекордов или славы – из любопытства, из желания понять мир, из стремления оставить после себя знание.

На панели связи вспыхнул сигнал вызова.

— Юра, приём.

Голос руководителя экспедиции прозвучал спокойно, но в нём чувствовалось возбуждение.

— Слушаю.

— Поступили данные от бурового комплекса.

Пауза длилась всего секунду.

— Похоже, мы нашли следующий слой.

Юрий ещё раз посмотрел на бескрайнее ледяное поле за иллюминатором. Где-то глубоко под ним лежали страницы

истории, которых никто никогда не видел. Сегодня человечество собиралось открыть одну из них.

Глава 1. Скважина № 12

Станция «Ареал» просыпалась постепенно. Сначала включалось дневное освещение в жилых модулях. Затем оживали системы вентиляции, начинали двигаться транспортные платформы в техническом секторе, открывались герметичные переходы между лабораториями. Через несколько минут искусственное утро окончательно вступало в свои права.

На Марсе было семь часов утра по внутреннему времени станции. Юрий Лисов уже находился в инженерном центре. На большом экране медленно вращалась трёхмерная модель буровой установки «Архив-12». Система подсвечивала зелёным цветом работающие узлы и жёлтым – оборудование, требующее проверки. Жёлтых отметок было немного. Это радовало.

— Неплохо для машины, которая работает на другой планете уже четыре года, — заметила стоявшая рядом оператор бурового комплекса Ирина Сторожева.

— Не машина, а произведение инженерного искусства, — ответил Юрий.

— Так говорят все инженеры.

— Потому что это правда.

Ирина усмехнулась.

Подобные споры велись между ними почти ежедневно. Геологи считали главным открытие. Биохимики – анализ образцов. Инженеры были уверены, что без техники никакие открытия вообще невозможны. Каждый по-своему был прав.

Юрий увеличил изображение скважины. Тонкая светящаяся линия уходила вглубь марсианской поверхности. Три тысячи восемьсот сорок два метра. Рекорд для внеземного бурения. Система отображала геологические слои, уже пройденные установкой. Пыль, многолетняя мерзлота, ледяные пласты, древние осадочные отложения. Ещё глубже находилось то, ради чего и создавалась экспедиция, – гигантский реликтовый ледник. Настоящая капсула времени.

Когда-то миллиарды лет назад Марс был совсем другим миром. По его поверхности текли реки. Существовали озёра и, возможно, даже мелководные моря. Затем планета начала терять атмосферу. Климат менялся. Вода исчезала.

Но история этих изменений сохранилась во льду. Слой за слоем, год за годом, эпоха за эпохой. Учёные надеялись, что именно здесь находится самый полный архив марсианского прошлого. Поэтому проект и получил своё название – «Архив».

В девять часов утра началось ежедневное совещание. В конференц-зале собрались почти все члены экспедиции. На центральном экране появилась руководитель станции Еле-

на Сергеевна Волкова. Когда-то она участвовала в строительстве первой российской лунной базы. Теперь руководила крупнейшей научной программой на Марсе.

— Коллеги, — сказала она. — Начнём с главного. Ночью буровой комплекс прошёл ещё восемнадцать метров.

На экране появились графики.

— Сейчас глубина скважины составляет три тысячи восемьсот шестьдесят метров. Все параметры в норме.

Несколько человек негромко зааплодировали.

Для постороннего наблюдателя восемнадцать метров могли показаться пустяком. Но здесь каждый сантиметр был результатом огромной работы. Марсианский лёд отличался от земного. В нём встречались участки замёрзших солевых растворов, включения вулканического пепла, плотные слои спрессованной пыли. Иногда бурение нескольких метров занимало целую неделю.

— Есть новости от орбитального комплекса, — продолжала Волкова. — Радиолокационная съёмка подтвердила существование ещё одного глубокого отражающего горизонта.

На схеме вспыхнула красная линия. В зале сразу оживились.

— Глубина?

— Четыре тысячи сто пятьдесят метров.

Геолог Олег Марков тихо присвистнул.

— Если это то, о чём мы думаем...

— Пока мы ничего не думаем, — перебила его Волкова.

— Пока мы собираем данные.

Несколько человек рассмеялись. Это была её любимая фраза.

После совещания Юрий отправился на внешний осмотр буровой. Выход на поверхность всегда занимал почти сорок минут. Проверка скафандра, герметизация, контроль систем жизнеобеспечения, давление в шлюзе, связь. Лишь после этого наружная дверь медленно открылась.

Марс встретил его привычной тишиной. Даже после трёх лет работы на планете Юрий не мог привыкнуть к этому ощущению. На Земле всегда существовал фон жизни: шум автодорог, свист ветра, гомон птиц, лай собак, человеческие голоса... Здесь ничего подобного не было. Только собственное дыхание в шлеме. И бесконечная равнина.

Буровая установка возвышалась над льдом почти на двадцать метров. Металлическая конструкция казалась удивительно хрупкой на фоне окружающей пустыни. Но именно она связывала людей с прошлым Марса.

Юрий подошёл к сервисному модулю и подключился к диагностическому разъёму. На внутреннем дисплее побежали данные: температура бура, вибрация колонны, нагрузка на привод. Всё выглядело идеально.

Он уже собирался отключиться, когда заметил странный скачок на одном из графиков. Короткий импульс, всего несколько секунд. Слишком короткий, чтобы считать его

неисправностью. Но слишком необычный, чтобы не обратить внимания.

Юрий нахмурился.

— Центр, это Лисов.

— Слушаю.

— Покажите мне телеметрию за последние двенадцать часов.

— Что-то случилось?

Он ещё раз посмотрел на экран. Импульс повторился. Точно такой же, на той же глубине.

— Пока не знаю, — ответил Юрий. — Но, кажется, наша скважина нашла что-то интересное.

Глава 2. Первый слой

Уже через два часа после выхода Юрия на поверхность в центральной лаборатории собралось почти полстанции. На большом экране были выведены данные телеметрии. Тот импульс действительно повторялся, причём строго на одной и той же глубине. Три тысячи восемьсот шестьдесят четыре метра.

— Похоже на изменение структуры льда, — предположил геофизик Павел Соколов.

— Или на включение более плотного материала, — возразила Ирина.

— Или на неисправность датчиков.

— Два независимых канала одновременно? Маловероятно.

Юрий молча следил за графиками. Опыт подсказывал: когда техника начинает вести себя необычно, причина чаще всего оказывается интереснее первоначальных предположений. Особенно на другой планете.

Руководитель станции Волкова посмотрела на присутствующих:

— Что нужно для проверки?

— Поднять контрольный керн, — ответил геолог Марков.

— Сколько времени?

— Шесть часов.

— Работайте.

Керн подняли ближе к вечеру. Процедура выглядела почти буднично. Автоматическая система медленно извлекла из скважины герметичный цилиндр длиной около полутора метров. Внутри находился ледяной столб возрастом в сотни миллионов лет.

Сразу после подъёма образец перевезли в криолабораторию. Температура внутри помещения поддерживалась на уровне минус восьмидесяти градусов. Дыхание сотрудников превращалось здесь в лёгкий туман.

Юрий стоял за стеклом наблюдательной галереи вместе с несколькими инженерами. Основная работа теперь принадлежала учёным. Роботизированный манипулятор аккуратно

разделил керн на сегменты. На экране появилось изображение внутренней структуры льда, и почти сразу в лаборатории воцарилась необычная тишина. Через стекло было видно, как исследователи переглядываются.

Первой заговорила климатолог Мария Орлова.

— Не может быть...

— Что такое? — спросила Волкова.

Орлова увеличила изображение. На экране появились сотни мелких точек... пузырьки... Замёрзшие газовые включения! Нечто подобное давно использовалось на Земле при исследовании ледников Антарктиды и Гренландии, но на Марсе такие находки встречались крайне редко. Слишком древние слои обычно разрушались временем.

— Мы нашли участок с прекрасно сохранившейся атмосферой, — произнесла Мария.

В комнате стало совсем тихо. Все понимали значение этих слов. Лёд сохранил воздух. А воздух сохранил прошлое.

Первичный анализ занял всю ночь. Станция давно перешла на круглосуточный режим работы. Одни специалисты уходили отдыхать, другие занимали их места. Лаборатории не пустовали никогда.

Когда Юрий вернулся утром, результаты уже были готовы. На центральном экране висела диаграмма состава атмосферы. Несколько цифр были выделены красным цветом.

— Углекислый газ ниже современного уровня, — поясни-

ла Мария.

— На сколько?

— Почти на двадцать процентов.

В зале послышался удивлённый шум. Для Марса это было очень много.

— Кислорода тоже больше, — продолжила она. — Водяного пара значительно больше.

— Ошибка измерений? — спросил кто-то.

— Мы проверили четыре раза.

На экране появились новые графики.

— Судя по данным, этот слой сформировался в период относительно тёплого климата.

— Насколько тёплого? — спросил Юрий.

Мария посмотрела на расчёты:

— Возможно, среднегодовые температуры были выше современных на двадцать-тридцать градусов.

На несколько секунд все замолчали. Даже сейчас подобное звучало невероятно. Марс, который привыкли считать ледяной пустыней, когда-то мог выглядеть совершенно иначе.

После совещания Юрий отправился в купольную галерею станции. Отсюда открывался вид на равнину. За прозрачными панелями лежал тот же холодный мир, что и вчера: красноватая пыль, снежно-белые участки льда, скалистые гряды на горизонте. Трудно было представить, что когда-то здесь

могла течь вода.

Он вспомнил старые снимки Земли из космоса: голубые океаны, облака, реки, леса. Для поколений, выросших на Марсе, эти изображения казались почти фантастикой. Рядом остановился Олег Марков. Некоторое время они молчали.

— Знаешь, что меня всегда поражает? — неожиданно сказал геолог.

— Что?

— Мы привыкли думать, что исследуем космос, — Олег кивнул в сторону горизонта. — А на самом деле исследуем время.

Юрий усмехнулся:

— Философствуешь?

— Немного.

Марков посмотрел на равнину:

— Эти пузырьки воздуха провели во льду миллиарды лет. Они старше всех государств, языков и цивилизаций. Старше человечества как вида.

— И сегодня утром кто-то взял их пробу в лаборатории.

— Именно.

На мгновение Лисов почувствовал странное ощущение. словно расстояние между прошлым и настоящим исчезло. Будто миллиарды лет сжались до размеров тонкой прозрачной трубки с образцом газа.

Во второй половине дня пришли новые результаты. На этот раз анализировали не воздух, а частицы пыли, заклю-

чёрные внутри ледяного слоя. Именно тогда стало ясно, что открытие только начинается. Содержание минералов резко отличалось от всего, что экспедиция находила раньше. Некоторые соединения могли образоваться только при длительном контакте с жидкой водой.

Волкова собрала экстренное совещание. Учёные спорили почти два часа: строили модели, сверяли данные, проверяли расчёты. Наконец руководитель станции подвела итог:

— Мы можем осторожно предположить, что обнаружили следы крупного климатического периода, когда на поверхности существовали устойчивые водные бассейны.

Никто не ответил. Каждый понимал масштаб заявления. Это была не просто очередная научная публикация. Речь шла о целой главе истории Марса, о существовании которой человечество раньше лишь догадывалось.

Когда совещание закончилось, Юрий снова открыл данные скважины. Теперь на схеме появился новый маркер: условное обозначение обнаруженного горизонта. Кто-то из учёных уже успел присвоить ему название: «Первый слой». А под ним находились ещё сотни метров неизученного льда. Ещё тысячи страниц марсианской летописи. И никто на станции не подозревал, что самые важные из них ждут значительно глубже.

Глава 3. «Архив» открывается

Через две недели после открытия «Первого слоя» станция жила в непривычном ритме. Работы стало больше, сна — меньше, научные дебаты практически не прекращались. Каждые сутки буровой комплекс проходил ещё несколько метров, а вслед за ним по ледяной лестнице времени спускались учёные.

Теперь за самой скважиной закрепилось имя «Архив». Сначала её так назвал кто-то из геологов, потом подхватили инженеры. Через несколько дней название появилось в официальных отчётах. Даже на Земле журналисты начали писать: «Марсианский архив продолжает раскрывать свои тайны».

Название оказалось удивительно точным. Каждый новый слой рассказывал отдельную историю. На глубине три тысячи девятьсот метров обнаружили следы древней глобальной пылевой бури. Она продолжалась почти двадцать лет. Такой вывод сделали по толщине и составу пылевых отложений.

— Представляете? — говорил Марков на очередном совещании. — Двадцать лет планета жила внутри шторма.

На экране возникла реконструкция. Красноватая дымка полностью окутывала Марс. Исчезали горы, равнины. Даже солнечный свет едва пробивался сквозь атмосферу.

— Такое могло серьёзно повлиять на климат, — заметила Орлова.

— И, возможно, на судьбу всей планеты, — добавил кто-то из исследователей.

Через несколько дней появился второй значимый слой. На этот раз учёных заинтересовал не лёд, а вулканический пепел. Микроскопические частицы содержали необычный набор минералов. После серии анализов выяснилось, что они попали сюда в результате колоссального извержения, мощность которого превосходила всё, что когда-либо происходило в истории человечества на Земле.

В течение нескольких часов научная сеть Солнечной системы буквально взорвалась обсуждениями. На Земле, Луне, в орбитальных лабораториях специалисты пересматривали модели эволюции Марса. Станция «Ареал» внезапно оказалась в центре внимания всей планетологии.

Юрию это казалось немного странным. Каждое утро он по-прежнему проверял насосы, приводные механизмы и системы охлаждения буровой установки. Каждый день менял фильтры и следил за телеметрией. Работа оставалась той же, изменился только её масштаб. Теперь за показаниями приборов следили миллионы людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.